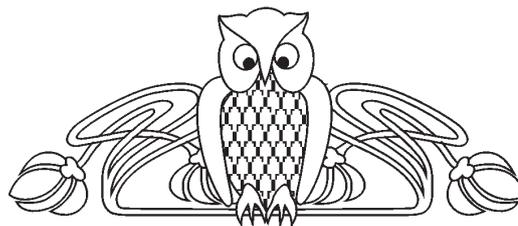

УДК 1:[3+93]

Конец истории: факторы и методологические параметры концептуализации идеи

В. П. Рожков

Рожков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется проблема построения концепций конца истории. Обращается внимание на антропогенный, социальный и исторический факторы возникновения и обострения интереса к теме конечности исторического процесса, отмечается проявление его в эсхатологических интенциях теологических постижений и философской рефлексии смыслов завершения пути человечества из прошлого в настоящее. Выявляется вариативная динамика в методологии философии истории, особенность которой на рубеже II–III тысячелетий просматривается в том, что доминирующими становятся цивилизационные проекты. В их параметрах Ф. Фукуяма и С. Хантингтон создают конкурирующие концепции конца истории. Проводится сравнительный анализ методологических инструментов конструирования предлагаемых моделей. Формулируется вывод об ограниченности методологического ресурса цивилизационного подхода, концептуальная реализация которого катализирует рискогенность жизнедеятельности международного сообщества. Развивая идеи предыдущих публикаций, автор предлагает применение многоуровневого методологического синтеза на основе принципов дифференциации и дополнителности. По его мнению, интересную перспективу в этом отношении может представлять синтез элементов цивилизационной и формационной методологии с нравственно-аксиологическими смысловыми ориентациями христианской экзегетики.

Ключевые слова: метод, философия, история, цивилизация, культура, либерализм, формация, демократия, идеология, столкновение, сознание, человечество, парадигма, нравственность.

Поступила в редакцию: 20.05.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>

Интерес к проблеме конца истории представляется естественным для философского сознания во многих аспектах. Наверное, можно согласиться с мотивировкой правомерности поиска истоковых факторов его проявления на антропологическом уровне. Действительно, познавая себя и окружающий мир, человек осознает конечность своей жизни, получает информацию о подверженности распаду природных форм, трансформации общественных систем, противоречиях

исторической динамики, социальных взрывах, военных катастрофах, исчезновении этносов, гибели цивилизаций и разрушении культур. На основании рефлексии такого рода содержания эволюционного и исторического процессов в сознании *homo sapiens*, обращенном к природному и социальному бытию, утверждается убеждение в том, что нет ничего вечного в природе, а все явления и события в истории носят преходящий характер. Отсюда эсхатологические ожидания относительно тварного бытия в религиозном, в частности в христианском, мировидении и концептуализация конца истории в разных парадигмах философского мировоззрения. Нельзя не учитывать и социально-исторических факторов, так как очевидно, что обострение, порой до «болезненности», интереса к этой теме со стороны обыденного и теоретического сознания происходит в ситуациях исторических потрясений, социальных взрывов, глобальных катастроф, пандемий и т.д. Достаточно обратить внимание на тот факт, что развернутая теологическая концепция истории с заключением о невечности «града земного» создается Августином Блаженным (IV–V вв.) в исторической обстановке неотвратимого движения западной части античной Римской империи к гибели, в период усиливающегося военного давления варваров и внутренней политической борьбы.

Что касается философской концептуализации, то, например, марксистская версия конца истории, характеризующаяся в настоящее время в качестве завершающей в ряду подобных интерпретаций в XIX в., формировалась как часть формационной теории в целом в эпоху нарастающей классовой борьбы, европейских революций 1848–1849 гг. и революционных потрясений во Франции 1871–1870 гг. Нельзя не отметить и теоретического развития в упомянутом столетии идеи конца истории в вариантах замкнутой конфигурации цивилизационной динамики, представленных в антиевропоцентристских концепциях социокультурных локальных циклов М. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. Созданные русскими мыслителями, они отразили острое переживание российским обществом поражения

в Крымской войне 1853–1856 гг. Как известно, одну из причин этой военной катастрофы отечественные «образованные классы» усматривали в предательстве христианской России христианскими странами Западной Европы, а конкретно – Францией и Британией.

Если в таком аспекте проанализировать динамику философской рефлексии истории на предмет ее конечности в XX в. и на рубеже II и III тысячелетий, то можно выделить некоторые особенности условий философско-исторического осмысления рассматриваемой проблемы на отмеченном временном отрезке.

Во-первых, в виде сквозной тенденции всего периода просматривается постепенное проявление приоритетности цивилизационных вариантов концептуализации по направлениям «постисторизма» и «собственно конца истории», завершающееся в конце XX – начале XXI столетия явным доминированием цивилизационного подхода до полного отрицания формационной интерпретации.

Во-вторых, в первой половине XX в. ощущается влияние на содержание социокультурных концепций кризиса европейской цивилизации, трагическими последствиями которого явились Первая и Вторая мировые войны и социальные взрывы между ними. Философское осмысление происходящих и надвигающихся катастроф отразилось в известном труде О. Шпенглера «Закат Европы».

В-третьих, анализируя идеи европейских философов и социологов, подобно Ж. Бодрийеру, представлявших направление «постистории» во второй половине XX столетия, нельзя не заметить в них отражения противоречий цивилизационных трансформаций индустриального общества в постиндустриальное.

В-четвертых, современная классическая либеральная цивилизационная концепция конца истории выдвигается и развивается Ф. Фукуямой на рубеже II и III тысячелетий в исторической ситуации катастрофического распада СССР и, как следствие, конца истории холодной войны между противоборствующими социальными системами биполярного мира. И хотя эти процессы имели многоплановый и неоднозначный характер глобального масштаба, выразившегося в коренном изменении геополитического ландшафта Европы, и, более того, Евразии, американский исследователь представил их в достаточно узком формате идеологического противостояния «либеральной демократии» и «коммунизма».

Концептуализация конца истории в аспекте такого противостояния катализировала критику марксизма и его акцентов на связь конца истории

со становлением коммунистической формации. Теоретические положения исторического материализма относительно перспективы такого будущего человечества характеризуются в лучшем случае как утопические. Показательно, что в обстановке полного отрицания формационного подхода наиболее заметное оппонирование версии конца истории Ф. Фукуямы осуществляется с позиций общего для участников дискуссии социокультурного подхода в варианте концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Следовательно, дискуссия носит внутрипарадигмальный характер, поскольку оба проекта создаются в параметрах цивилизационной парадигмы. В таком случае логично возникают следующие вопросы. Какая из двух доминирующих современных концептуализаций содержит наиболее вероятный прогноз цивилизационного будущего? Какой из предлагаемых проектов моделирования цивилизационного будущего обладает достаточным методологическим ресурсом обоснования своего прогноза? Какой отрезок времени цивилизационной динамики обозначается в конкурирующих проектах?

Отвечая на поставленные вопросы, представляется необходимым исходить из вышеотмеченного обстоятельства о цивилизационных параметрах построения выдвинутых моделей на соответствующем методологическом основании. Это означает, что общество рассматривается как социокультурная общность, основой которой определяется духовно-культурная сфера жизнедеятельности. Она представляется истоком динамики во всех других областях функционирования социума. При этом нельзя не учитывать методологическую открытость цивилизационного подхода, которая проявляется в первую очередь в том, что духовно-культурные процессы во всем своем многообразии в ареалах науки, образования, искусства, религии, этики и эстетики могут связываться с различными социальными и индивидуальными субъектами: обществом, этносом, социальными группами, личностью, с институтами общества разных уровней.

В концепции Ф. Фукуямы просматривается вполне определенный выбор методологического инструментария цивилизационного подхода. Его приоритеты выражаются в апелляциях к идеологии, сознанию, либеральной демократии и «последнему человеку». Ключевая позиция Ф. Фукуямы, исходя из которой он определяет смысл истории и выстраивает концепцию ее конца, характерна для мыслителя, исследующего общество в социокультурном ключе. Она заключается в принятии мировоззренческой установки: «Сознание – причина, а не следствие,

и оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас путаницы служит идеология» [1, с. 137]. Следуя избранной мировоззренческой парадигме с апелляцией к философии Г. Гегеля и социологии М. Вебера, Ф. Фукуяма интерпретирует смысл новейшей истории как идеологическое противостояние либеральной демократии с «коммунизмом». Конец истории будет концептуализироваться им с ориентацией на победу в одной из противостоящих идеологий. В логике изложенного построения Ф. Фукуяма связывает смысл конца истории с распадом СССР и победой либеральной демократии как идеологии, воплощающейся в политических и экономических институтах США и Западной Европы. Последнее подтверждается его выводом о том, что достигнутая победа свидетельствует не столько об окончании «холодной войны», сколько о конце истории. Показательно, что смысловое значение такого финиша исторического движения из прошлого в настоящее американский философ усматривает в конце «идеологической эволюции человечества» и в «универсализации западной модели либеральной демократии как окончательной формы правления» [1, с. 134–135]. Обращает на себя внимание завершение вывода фразой об универсализации «западной модели» как «окончательной формы правления». Нельзя не отметить, что фактически речь идет о государственной системе США, воспринимаемой либеральным политическим сознанием в качестве оптимальной модели институционального выражения идеи «либеральной демократии».

Можно дискутировать с Ф. Фукуямой относительно идеальности данной формы правления, но акцент на государственную форму организации общества как окончательную свидетельствует о том, что по этому параметру американский политолог не выходит за пределы цивилизационной парадигмы. Думается, парадигмальная выдержанность и приверженность ключевой позиции социокультурного подхода дали возможность мыслителю в публикациях первых десятилетий XXI в. провести корректировку своей концепции без отказа от своего проекта как такового. Действительно, в исследованиях этого периода Ф. Фукуямой выявляется ряд противоречий либеральной демократии: проблемы между свободой и равенством, усиление религии и национализма в противостоянии либеральной демократии, слабость либерального демократического общества во влиянии на стремление человека к «признанию» и «превосходству». Философом даже высказывается опасение разрушения либеральной демократии по причине недостаточности

воздействия на желание «последнего человека» бороться для реализации самого процесса борьбы или бороться с борьбой. Но в то же время Ф. Фукуяма обозначает возможность побороть борьбу в человеке, радикально переделав его. Это биотехнологическая революция, в процессе которой совершенствуется геновая инженерия и технологии манипуляции мозгом. Напрашивается предположение об открывающейся перспективе переориентации направленности действий человека от борьбы к сотрудничеству. Неслучайно, исследуя идентичность в контексте тенденций фрагментации и раздробленности, Ф. Фукуяма характеризует свое изыскание как продолжение диалогии, первая часть которой изложена в книге «Конец истории и последний человек», представляющей концепцию целостности и непрерывности бытия в его развитии по определенному направлению. По сути его цивилизационная концепция конца истории даже с учетом последующей корректировки может восприниматься как философско-историческое обоснование развертывания правящими кругами США на рубеже II и III тысячелетий политики, ориентированной на мировое доминирование в системе однополярного мира. В этом отношении своеобразным подтверждением служат рассуждения философа об осуждении в мире политики США, цель которой он видит в демократизации мира, а причинами ее неприятия называет сложности пути к демократии стран незападного мира.

Иной вариант собственно конца истории, но также в параметрах цивилизационного подхода представлен в исследованиях С. Хантингтона. Приверженность цивилизационному подходу отражается непосредственно в названиях его публикаций: статье «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.) и книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996 г.), в которых четко обозначена специфика смыслового содержания концепций автора. Использование термина «столкновение» ориентирует на концептуализацию конца истории в контексте конфликтов цивилизаций. И эта смысловая направленность последовательно реализуется в содержании работ С. Хантингтона. Однако теоретико-методологическим подтверждением цивилизационных параметров построения концепции, думается, правомерно считать авторский акцент на категорию «культура» как концентрированное выражение базового фактора, определяющего характер взаимодействия конфликтов и столкновений цивилизаций. Именно «культурные идентичности – этические, национальные, религиозные, цивилизационные, занимают, – согласно его выводу, – главное место, а культурные сход-

ства и различия формируют союзы, антагонизмы и политические линии государств» [2, с. 509]. Думается, другая методологически значимая установка из ресурса цивилизационного подхода состоит в определении С. Хантингтоном государств как «основных игроков на поле мировой политики» [2, с. 24]. Она сыграет концептуально важную роль в аргументации им своих положений против универсализма и однополярного мира и в доказательстве необходимости проведения «многополюсной» и «полицивилизационной» политики [2, с. 17].

Сравнивая проанализированные концепции конца истории, можно предложить ряд суждений с учетом поставленных ранее вопросов. Исследованные конкурирующие концепции отражают современный отрезок исторического времени, на котором проявляется выведенное в предыдущей авторской публикации противоречие между нарастанием международной экономической интеграции и консервацией государственно-политической формы правления [3, с. 284]. Это само по себе свидетельствует об ограниченности исторической перспективы проектируемых моделей. Вероятность прогноза в этом случае зависит от времени доминирования одной из разнонаправленных тенденций выделенного противоречия.

Что касается методологического ресурса проектов, то он ограничен параметрами цивилизационной парадигмы. Это ясно просматривается, прежде всего, в апелляциях авторов к категориям «идеология» и «культура». В своих методологических обращениях они исходят из узкого смысла методологически значимых для их концептуальных построений понятий, сводя их к интеллектуальным и духовным контекстам. Однако в научном сообществе культура определяется и в широком смысле как искусственная среда, создаваемая в процессе созидательной деятельности человека в интеллектуально-духовном и материальном измерениях. Более того, на этом основании утверждается понимание относительности разделения материальной и духовной культур. И это вполне объяснимо, если осознать то, что атрибуты материальной культуры несут в себе интеллектуально-духовную энергию создающего их человека. При таком подходе противопоставление культуры и идеологии, акцент на ее доминирование над экономикой и политикой выглядят несостоятельными. И экономика, и политика, и идеология – это проявление культуры в широком смысле слова. Кстати, и либерально-демократическая доктрина, и коммунистическая идеология корнями уходят в западно-европейскую культуру. Следовательно, у цивилизационного и формаци-

онного подходов один культурный европейский исток. Уяснение этого факта дает основание предполагать реальность синтеза их методологического инструментария на принципах концептуально обоснованной дифференциации и дополнительнойности. Думается, данное обстоятельство позволило бы дополнить содержание рассматриваемых проектов анализом экономических и социальных причин неприятия идей либеральной демократии в аспекте универсализма, так же как и концепций столкновения цивилизаций. Расширение на отмеченных основаниях методологического ресурса социокультурного подхода не исключает обращения и к нравственно-смысловым значениям христианской культуры. Многоуровневый синтез вполне оправдан в условиях резкого усиления цивилизационных рисков в процессе многократного усложнения современной исторической динамики. Он дает возможность создания философско-исторических проектов, ориентирующих на долговременную антропо-виталистическую перспективу, основанных на понимании того, что истинный смысл конца истории может проявиться лишь в гибели человечества. Концепции, содержащие идеи борьбы ради борьбы, характерные для «последнего человека», аргументирующие столкновение цивилизаций, только подтверждают рефлексию вероятности реализаций такого смысла. Они не несут идей прорыва из пространства культуры, формами проявления которой стали экономические войны и политическое балансирование на грани ядерной, природной, вирусно-пандемической катастроф. В них не открывается выход за пределы государственной формы организации общества, постоянно наращивающей потенциал военного-политического насилия. Ими не моделируется преодоление агрессивности человека и закрепление табу на убийство человека человеком. Может быть, эта концептуальная и прогностическая ограниченность позволяет предположить, что историческое время для проектирования таких прорывов уже истекло?

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
3. Рожков В. П. Цивилизационный подход: историко-философский анализ проблемы методологического ресурса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 282–286. DOI://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-282-286

Образец для цитирования:

Рожков В. П. Конец истории: факторы и методологические параметры концептуализации идеи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 389–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>

The End of History: Factors and Methodological Parameters of the Conceptualization of the Idea

V. P. Rozhkov

Vladimir P. Rozhkov, <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vladim-rozhkov@yandex.ru

The article explores the problem of constructing concepts of the end of history. The author draws attention to the anthropogenic, social and historical factors of the emergence and increasing of interest to the topic of finiteness of the historical process. He notes its manifestation in eschatological intentions of theological comprehension and philosophical reflection of the meanings of completing the path of humanity from the past to the present. The author reveals the variable dynamics in the methodology of the philosophy of history, the peculiarity of which at the turn of the second and third millennia is seen in the fact that civilizational projects become dominant. F. Fukuyama and S. Huntington create competing concepts of the end of history in their parameters. The article provides a comparative analysis of methodological tools for designing the proposed models. As a result, the author comes to the conclusion about the limitations of the methodological resource of the civilizational approach, the conceptual implementation of which catalyzes the risk-generating character of the functioning of the international community. Developing the ideas of previous publications, he suggests applying

a multi-level methodological synthesis based on the principles of differentiation and complementarity. In his opinion, the synthesis of elements of civilizational and formational methodology with moral and axiological semantic orientations of Christian exegesis can present an interesting perspective in this regard.

Keywords: method, history, civilization, culture, liberalism, formation, democracy, ideology, clash, consciousness, humanity, paradigm.

Received: 20.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Fukuyama F. Konets istorii? *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134–148 (in Russian).
2. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (in Russian).
3. Rozhkov V. P. Civilization Approach: Historical and Philosophical Analysis of the Methodological Resource. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 282–286 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-282-286>

Cite this article as:

Rozhkov V. P. The End of History: Factors and Methodological Parameters of the Conceptualization of the Idea. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 389–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>
